

УТВЕРЖДАЮ ТВОЕ БЫТИЕ...*

Судьбой нам было отмерено 45 счастливых лет... Впрочем, тогда эта наша совместная жизнь воспринималась как обыденная, повседневная и отнюдь не безмятежная. Вся глубина и безмерность пережитого счастья начинает осознаваться лишь теперь... Какое непостижимое разделение на “тогда” и “теперь”... Все же между ними нет полного разрыва, нет пропасти. В каждом сегодняшнем дне присутствует, сохраняется и живет частичка того счастливого прошлого, что и дает силы жить дальше.

* * *

Андрей рос в семье русских интеллигентов с высокими нравственными устоями и большой тягой к знаниям. Отец, Владимир Константинович – философ, переводчик и интерпретатор трудов Спинозы и Гегеля. Мать, Варвара Платоновна, историк по образованию, владевшая несколькими иностранными языками, целиком посвятила себя воспитанию троих детей, а затем и многочисленных внуков. Атмосфера, царившая в семье, благоприятствовала развитию природных способностей и склонностей детей.

До подросткового возраста Андрюша мало чем отличался от шаловливых сверстников, затем постепенно стал предпочитать веселым развлечениям углубленное чтение, в том числе и научной литературы.

Не сразу выбрал профессию: хотел быть дипломатом, колебался между медициной и психологией.

Очень тепло относившаяся к нам Блюма Вульфовна Зейгарник не раз мне говорила: “Как жаль, что Андрей не выбрал медицину, каким прекрасным врачом он мог бы стать!”. Я думаю, что он был бы прекрасным специалистом в любой профессии. Хорошо, что предпочел психологию, иначе бы мы не встретились... Впрочем, я тоже долго колебалась между историей и психологией, но твердо знала, что буду поступать в МГУ.

Впервые его “заметила” на семинаре по драматургии. Подумала: “Какой приятный тембр голоса, как хорошо говорит, как много знает, как глубоко мыслит!” Этот удивительно мягкий голос с его

неповторимыми интонациями всегда оставался для меня каким-то по-особому притягательным признаком его индивидуальности. В группе и на курсе он был одним из лучших. Сам-то он так не считал. Написал в своем дневнике: “С каждым днем меня все больше и больше мучит какое-то страшно назойливое и столь же неприятное чувство большого неудовлетворения и недовольства собой... У меня же внешне все обстоит более чем благополучно. В Университете меня явно переоценивают, хотя я вовсе не собираюсь пускать пыль в глаза. Как много мне было дано и как мало я сделал! В каком неоплатном долгу я перед книжным шкафом!” (ноябрь 1954 г.).

Тамара и Андрей в студенческие годы
(Москва, 1954 г.)

* Выражаем благодарность Тамаре Константиновне за любезно предоставленные ею фотографии из семейного архива.

К пониманию рубинштейновской теории он пришел не сразу. Этому предшествовало увлечение гальперинской теорией и длительное, глубокое изучение Выготского. О Рубинштейне: “Рубинштейн действительно велик, настоящий ученый-мыслитель и человечнейший человек. Пусть я буду в жизни не очень хорошо материально обеспечен, но всегда останусь честным и добросовестным научным работником. В этом отношении надо брать пример и с папы. В науку должен быть путь только через науку. Поэтому-то Рубинштейн выше всех этих грязных интриг” (январь 1955 г.).

О науке (из юношеского дневника):

«Глубоко (и прочно) сидящие, но мелко плавающие перестраховщики несколько лет назад санкционировали самую простую, но зато удобно контролируемую форму развития науки – без направлений и школ, без “горных, извилистых тропинок”, по прямой одной-единственной магистрали, которой присваивается имя какого-нибудь великого ученого с совершенно незапятнанным авторитетом (к счастью, таких оказалось очень немного), и на которой регулировщиками стояли всякие “держиморды”. Сколько спекуляций развернулось на этой почве!.. Теперь взялись за переоценку ценностей. После XIX съезда, действительно, многое меняется. Безудержный централизм столь же невозможен, сколь несовместим с истинным демократизмом...» (2/1-55 г.).

“Вред культа личности не в том, что беспрекословно выполнялись все ее указания, а в том, что только эти указания и выполнялись” (6/1-55 г.).

“Все же человек становится человеком прежде всего в наши годы. Ломать себя потом гораздо труднее. К тому же чем старше, тем легче придумать кучу теорий (и поверить в них), оправдывающих самого себя в собственных глазах и в глазах других” (5/1-55 г.).

“Иногда я почти физически ощущаю, что где-то внутри во мне сложилось что-то большое, незыблемое, сильное, самое главное и самое дорогое, свои собственные и проверенные взгляды, интересы и принципы, свои цели, мечты и стремления. Такое впечатление, точно все это ограждает меня каким-то мощным барьером от всяких внешних неприятностей, от бытовых мелочей и суеты сует.

...Это рождает замечательное чувство полной независимости. Неужели так осознается личность?” (27/II-55 г.).

«Я действительно за эти годы здорово изменился. Сегодня мне сообщили, что наше курсовое “начальство” (партийное и комсомольское) мною недовольно (наконец, оно перестало питать иллюзии!). Прежде я бы, вероятно, огорчился, а теперь чуть ли не горжусь этим» (20/VII-55 г.).

«Настоящая научная работа в процессе ее и принципиально не может быть контролируема. Поэтому на нее надо брать таких людей, которые действительно работают по собственному вдохновению и не нуждаются в этом смысле в унижительном надзоре, каким бы “тактичным” он ни был» (21/VII-55 г.).

Вся его дальнейшая жизнь показала, что он в своем личностном развитии сохранил верность столь рано выработанным высоким нравственным принципам. В нем в силу непостижимой диалектики гармонично сочеталась трезвость рассудочного ума с высоким романтизмом, что в итоге создавало удивительно цельную натуру. На протяжении всей своей жизни он оставался Рыцарем и не только науки...

Отношение к Женщине всегда было рыцарским, возвышенным и почтительным. Любил дарить цветы...

При внешней сдержанности нежность и мягкость его природы проявлялись в довольно редко встречающейся у мужчин способности дружить с женщинами в самом точном и емком значении этого слова.

С нежной заботой относился к близким, ему ничего не надо было долго объяснять, понимал с полуслова... Был очень сдержан в проявлении отрицательных эмоций: никогда не скандалил, не кричал, не повышал голоса.

Очень любил свой дом, свою семью. Это было то, по-видимому, единственное и необходимое место, где он мог по-настоящему расслабиться, снять напряжение. Это сказывалось даже в одежде: дома любил облачаться в старые привычные вещи, чувствовал в них себя уютно.

Очень тепло и нежно относился к дочери, всю жизнь неизменно называл ее ласково Котенком. До слез радовался появлению на свет очередного внука, гордился ими, всегда носил на работу их фотографии. У внуков бывал редко, все семейные праздники отмечали у нас, внуков часто привозили, чтобы просто повидаться с дедом (самото я часто у них бывала). При встрече с удовольствием возился с ними: читал, играл, дурачился. Старший Женечка постоянно проводил у нас все выходные и каникулы. Дедушка, еженедельно отправляясь за продуктами в магазины, неизменно брал его с собой, и по дороге они обсуждали все накопившиеся проблемы. Почти всегда Женечка возвращался с очередной новой книгой.

Сохранились некоторые его заметки об особенностях поведения Жени в пору, когда он жил у нас. Вот некоторые из них:

«Жене 4 г. 9 мес. Во время прогулки вне всякой видимой связи с тем, о чем мы говорили (при виде избушки “На курьих ножках” на детской площад-

С внуком Женей (1990 г.)

ке), вдруг спрашивает: “А для чего устроены люди?”. Отвечаю кратко: “Чтобы жить интересно и весело, чтобы делать хорошие вещи...”. Он: “Тогда смастери мне...” (назвал какую-то игрушку).

Женя (4 г. 11 мес.) разбил подаренный ему ранее стеклянный кулон – для него символ чего-то возвышенного, важного. Горько плакал, рыдал, невозможно было его успокоить и отвлечь. Потом пришел к бабушке: “Помоги мне! Как я теперь буду жить без Бога?”.

Женя (5 л. 7 мес.) увидел в “Учительской газете” фотографию своего деда. Сначала очень удивился, потом обрадовался и поцеловал фотографию.

Жене 6 л. Много раз приглашает: “Дедушка, давай поговорим!”. Обсуждаем детскую книжку об истории России. Спрашиваю, почему перестал просить продолжить чтение. Отвечает: “Но ведь все потом повторяется!” – “Что повторяется?” – “Я, мама... все потом опять будут.” – “А каким ты будешь, когда будет повторение?” – “Тоже буду Женей, таким же”.

6 л., 2 мес. Перед ночным сном предлагаю (в шутку) положить рядом фотоаппарат, чтобы ночью сфотографировать сон, если он будет интересным. – “Нет, это невозможно! Ведь сон только чудится, его видно только с закрытыми глазами”».

* * *

Обладал абсолютным слухом, любил музыку. В студенческие годы “болел” спектаклями Большого театра. Вместе с В. Пушкиным и В. Башиловым простаивал ночи за билетами, а мы, девочки, бессовестно этим пользовались.

Были завсегдатаями Большого зала Консерватории, приобретали как минимум два абонемента в сезон: на фортепианные концерты выдающихся исполнителей и концерты Камерного оркестра под руководством Р. Баршая.

Любил поэзию Ахматовой, Мандельштама, Пастернака.

Был спортивным: занимался легкой атлетикой, имел разряд по туризму. В военном лагере был одним из самых выносливых. Шокировал нас, девочек, тем, что в любой мороз мог ходить без пальто и при этом есть мороженое. Никогда не простужался.

Конечно, у него были недостатки, но они являлись как бы продолжением его достоинств: страстная поглощенность наукой порождала отсутствие интереса к бытовым проблемам. Научные интересы занимали, пожалуй, наивысшую точку в системе его ценностей и имели почти сверхъестественный, но отнюдь не односторонний характер. Его интересы простирались далеко за пределы психологии: он глубоко изучал философию, социологию, языковедение, историю, науковедение, его интересовали политические проблемы. Из области точных наук: математика, физика, кибернетика. Он был энциклопедически образован. Не мог пройти мимо хорошей книги, тут же ее приобретал...

Был прекрасным рассказчиком. Бывало, во время прогулок (в отпускное время чаще всего) мы – и взрослые, и дети, – заслушивались его пересказами очередной прочитанной книги, в его изложении все приобретало какой-то особый смысл и значимость. Поэтому всегда все близкие получали особое удовольствие от совместных прогулок. В последние годы, увы, это удавалось все реже из-за дефицита времени.

Обладал тонким чувством юмора, ценил хорошую шутку, сам любил шутить. Грубых шуток не любил. Нравилась каламбуры, постоянно придумывал свои варианты шутливого “толкового словаря”.

Его человеческие привязанности не всегда были продиктованы общностью профессиональных интересов. На протяжении всей жизни длилась его дружба с одноклассником Юрием Фиалковым, инженером по профессии, ушедшим из жизни несколько ранее.

Его отношение к другим ученым, коллегам: всегда уважительное, с большим вниманием и интересом к иной точке зрения (даже противоположной). Всегда тщательно ее обдумывал, никогда не игнорировал. Любил дискуссии, чувствовал себя уверенно в научных спорах, призывал своих оппонентов к открытой дискуссии. Поистине наука для него была выше личных взаимоотноше-

ний. Умел восхищаться своими оппонентами (В.В. Давыдов, О.К. Тихомиров).

* * *

Бытие человека продолжает утверждаться и после его физического ухода из жизни. Жизнь Андрея продолжается в книгах, статьях, идеях, во всем духовном наследии, которое он оставил, и в первую очередь – в том воздействии, которое он оказывал сознательно и бессознательно на мысли и чувства других людей: близких и более далеких –

внуков, учеников, сотрудников, соратников, друзей... Он продолжает жить в нашей памяти, образе мыслей, чувствах, поступках, постоянно подтверждая столь близкую ему идею непрерывности духовного бытия и бесконечности любви.

*Т.К. Мелешко,
канд. психол. наук,
старший научный сотрудник
Научного центра психического здоровья РАМН,
Москва*